

АККЕРМАНСКИЙ МАЛЬЧИК

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЗАСЛУЖЕННОГО ЖУРНАЛИСТА УКРАИНЫ МИХАИЛА РЫБАКА

21 июля исполнится 90 лет со дня рождения заслуженного журналиста Украины Михаила Рыбака. Человека нелегкой судьбы, пережившего войну и творческие поиски. И ставшего в итоге известным Фотомастером, Репортером и Хроникером своего времени с большой буквы.

В сентябре 1941 он в школу не пошел. В те жаркие месяцы все перевернулось в его жизни. В начале июля всей семьей спешно покинули уютный Аккерман и прибыли к родственникам в Одессу. Незнакомый город казался огромным и загадочным. Толпы людей, трамваи и грузовики, шум и гам вблизи рынков. Все это резко контрастировало с тихими, укрытыми в тени старых деревьев улочками древнего лиманского городка.

Семейство Рыбаков отправилось в Одессу не на экскурсию. Шла война. Страшная, истребившая миллионы людей. Тогда еще никто не догадывался, чем все обернется. Но что такое фашизм, в Бессарабии отлично знали.

Миша помнил свои первые школьные годы в «скула примаре», начальной школе, где им категорически запрещали общаться на любом языке, кроме румынского. А в школе учились пацаны из польских, украинских, еврейских, русских, греческих, болгарских семей. Край-то всегда был многонациональным. И между собой ребята привычнее было говорить порусски, хотя в семьях зачастую общались на родных языках. За провинность (разговоры не на румынском) мальчишек запирали в темном чулане в шкафу со скелетом, вызывали на строгую беседу родителей. А учитель румынского и вовсе мог прямо на уроке полоснуть парнишку по рукам длинной деревянной линейкой, которую не выпускал из рук. Этот здоровенный детина Ион Батэу не скрывал принадлежности к партии румынских фашистов и, похоже, просто ненавидел большую часть своих учеников. Впрочем, ученики отвечали ему тем же.

Летом 1940 года Миша закончил третий класс и во время каникул видел, как в городок въехали танки с красными звез-

дами на башнях. Многие встречали бойцов цветами, угощали фруктами и вином. Казалось, с румынскими порядками попрощались навсегда. Четвертый класс отучились уже в советской школе. И тут – война. В наших краях румыны оказались главными помощниками немецких фашистов. Они сразу объявили политику очищения нации, и многим стало ясно, что нужно покидать насиженные места. Те, кто промедлил, не выжили.

...В Одессе все дышало войной. Вокруг города шли бои. Враг пытался захватить такой важный в стратегическом плане порт. Оборона Одессы была организована быстро и грамотно. Не зря ведь городу первым присвоили звание героя. Здесь надолго затормозили фашистское наступление. Бенциону Рыбаку было 39 лет. Он еще в августе ушел вместе с другими

перекрывает даже рев штурмовиков. Разорвалось вблизи той самой будки, где недавно стояла мама Люба. Пламя взметнулось до верхушек деревьев. Десятки людей кинулись враспынную. Кое-кто с земли не поднялся. Эта картина долго стояла у Миши перед глазами. А потом было еще много картин не для детского восприятия. Но на войне дети быстро взрослеют...

Дальше был госпиталь. Огромная палата, где разместили тяжелораненых. После разговора матери с военным врачом стало ясно, что Бенциона отправят в тыл. В эшелоне нашли место для жены с сыном. На сборы – сутки. Разговор о том, чтобы прихватить с собой пожилых родителей бойца, отложили. Да и родители ехать отказались: начинались религиозные праздники, не позволявшие лишней суеты. С ними остался младший брат Бенциона здоровяк Яков, который легко ворочал пятипудовые мешки на разгрузке судов в порту. Миша с мамой покидали Одессу в санитарном эшелоне.

Шустрый парнишка вертелся в проходах между вагонными полками. Вокруг одни лежащие. Тот просит водички принести, другой – поменять повязку, третий – свернуть самокрутку и прикурить. Так и шли дни в дороге с остановками на глухих полустанках и незнакомых платформах без названий. Двигались на восток. Миша стал среди бойцов своим, незаменимым помощником. До Средней Азии добирались недели две. Там отцу ампутировали ногу, и они осели в непривычной среде на три долгих года...

За событиями на фронтах следили внимательно. Как только узнали, что Одессу освободили от фашистов, засобирались домой. Вернулись только к концу лета. Искали следы оставшихся родственников и узнали скорбную весть: почти все погибли от рук негодяев. И престарелые родители, и богатый Яша, и самая младшая сестра. Уцелели только младшие сестры отца и мамы, чьи мужья-офицеры успели отправить их за Урал. И в маленьком Аккермане печали хватало. Не было в живых многих друзей и соседей...

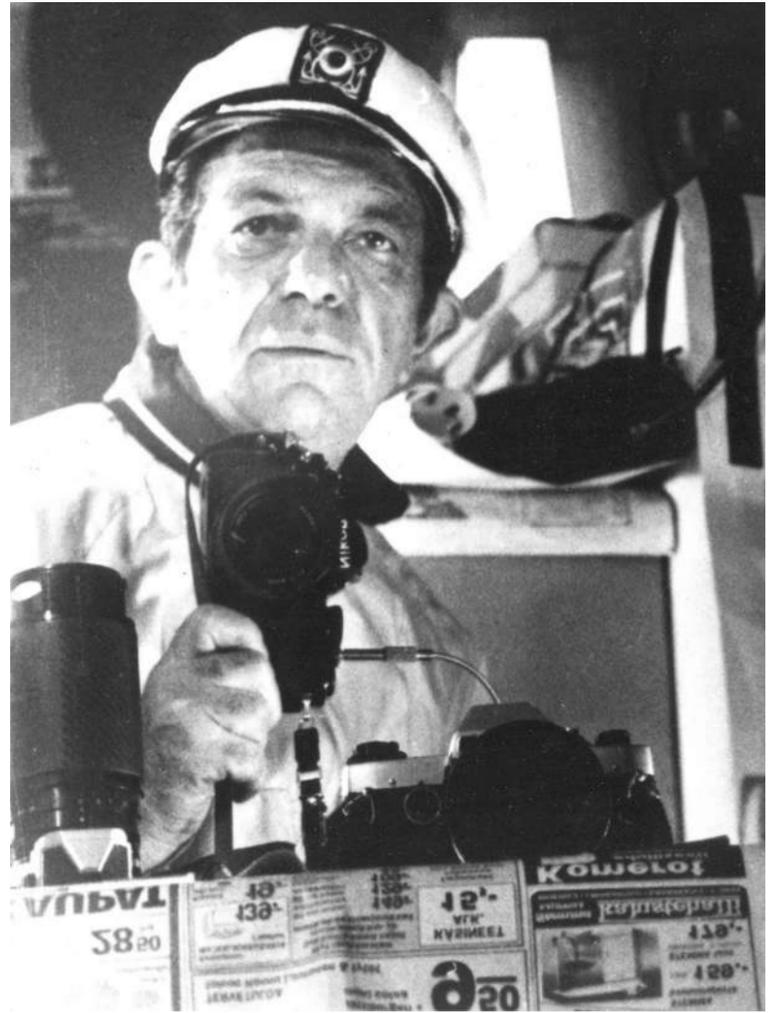
В школе Миша встретил кое-кого из довоенных одноклассников. Но было много новеньких. После уроков мальчишки гоняли по улицам, регулярно навещали в старую крепость. Находили там патроны, оружие. После нескольких происшествий, когда пацаны устраивали на берегу лимана костры и бросали туда патроны, крепость оцепили. Ввели строгий режим. Саперы работали не один месяц, проверяя каждый метр внутри и вокруг крепости.

Миша любил учиться. Хоть парнем был живым и непоседливым, учителя его любили. Много читал, помогал товарищам. А когда закончил школу, год работал в младших классах. Тогда не хватало преподавателей, и лучших учеников

пехотинцами оборонять Одессу. Семья осталась в городе. Своего жилья не было. Как жить дальше, никто не понимал.

Город регулярно бомбили. Кольцо вражеских войск сжималось. По суше в Одессу было не попасть. Основные пути доставки грузов и эвакуации имущества предприятий шли морем. Заканчивался второй месяц обороны Одессы. Многие уже выбрались из города. Ощущался острый дефицит продуктов, питьевой воды. К будкам, где продавали керосин для примусов, выстраивались огромные очереди. В один из октябрьских дней Миша метался вдоль такой очереди в поисках мамы. Только что из госпиталя пришла весточка от отца. Он ранен. Его готовят к операции и отправке в тыл. Миша разыскал так маму Любу. Она уже отстояла часа два и хотела дожидаться дефицитного керосина. Но сын уговорил быстрее бежать к отцу. Не прошли они и полквартала, как начался авианалет. Немецкие самолеты летели низко, заглушая своим гулом все звуки. Но звук разорвавшейся не-

привлекали для работы с мальчишками. Михаил вспоминал, как был поражен рационом питания некоторых своих подопечных. В первые дни он не мог понять, почему в классе такой стойкий винный запах. Принюхался: вроде от пацанов пахнет. Спросил: что ты ел на завтрак? Когда услышал ответ, опешил. Мальцам перед школой наливали тарелку... вина и крошили туда хлеб. Бессарабия именно вином и хлебом богата!

В конце 40-х израненная войной страна объявила набор молодежи в военные училища. Нужна была смена тем, кто прошел Великую Отечественную. Миша был готов ринуться на призыв в первых рядах. Сколотил группу одноклассников и отправился с ними в далекий Даугавпилс поступать в авиационное училище. Из дюжины аккерманских кандидатов он остался один. Кто-то не прошел строгую медкомиссию, кому-то не хватило специальных знаний на экзаменах. Так Михаил стал курсантом, а позднее – штурманом дальней авиации. Летал на штурмовиках и бомбардиров-

щиках. Успел послужить в Прилуках под Житомиром. Но времена изменились. Страна перестраивалась на мирные рельсы, и громадную армию решили сокращать. Тогда Михаил и попросил разрешения поступить в гражданский вуз и закончить службу. Способного офицера отпускать не хотели. Предлагали учиться заочно и не расставаться с авиацией. Но он уже зажегся учебой. Да и в личной жизни произошли большие перемены.

В летном училище Миша познакомился с одесситом Мироном Щеголевым и как-то ездил с ним в отпуск в Одессу. МIRON познакомил товарища со своей соседкой красавицей Беллой. Завязалась переписка. Со стихами и фотографиями, с обсуждением жизненных планов. Потом были новые встречи. Нашлись общие интересы. И главный из них – создать крепкую семью. Молодая жена готова была делить с мужем тяготы военной службы на далеких от цивилизации аэродромах. Умела даже в тесной комнатке деревенской избы создать уют со скатерками и занавесками.

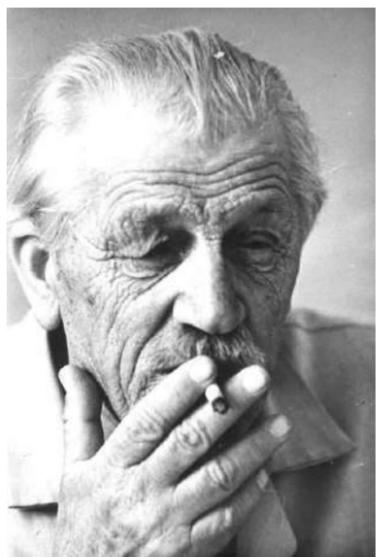

Но желание мужа учиться в Одесском университете, конечно, радовало больше, чем возможная армейская карьера.

В Одессу семья Рыбаков вернулась весной 1954 года, когда до рождения сына оставались считанные месяцы. Демобилизованному офицеру выделили комнату в коммунальном доме напротив медуны. В роддоме этого заведения и появился их единственный наследник.

Те, кто пережил войну, привыкли жить скромно и видеть перспективу. Михаил поступил так на геолого-географический факультет Одесского университета. Поначалу работал в двух-трех школах преподавателем военного дела и стрелковой подготовки. Тогда этому уделяли очень серьезное внимание. Чуть позже стал вести кружки на станции юных натуралистов. Ходил с ребятами в походы по Одессине. Тогда начал делать первые фото, заметки для себя. Кое-что предлагал в газеты. На старших курсах преподавал географию и страстно мечтал о дальних путешествиях, которые, естественно, позволить себе не мог.

Михаилу Рыбаку было уже 30, когда ему предложили первую должность в газете. Он еще преподавал в школе, любил общаться с учениками и часто находил общий язык с теми, кого коллеги называли трудными подростками. Он колебался: бросить ли преподавание или попробовать совмещать. Пробовал. Но времени не хватало. И он сделал выбор в пользу журналистики. На всю оставшуюся жизнь.

Я вырос в атмосфере репортерской жизни. Мне кажется, что мой отец, Михаил Рыбак, был одним из ярких представителей, к сожалению, ушедшего племени истинных репортеров, для которых выполнение поставленной задачи порой бывало важнее масштаба самой задачи.

Его не смущали долгие вояжи по нашим извечно раскуроченным дорогам, погодные катаклизмы и хроническое недосыпание. Весь режим его жизни на десятилетия был подстроен под нужды газеты. Не выполнять задания, не сдать материал в срок, не попасть в нужное место в нужное время, не найти конкретного человека, не суметь

добыть информацию, не побраться туда, куда в принципе не пускают, — для него это было невозможно. Казалось, его сутки больше стандартных. Когда мероприятие затягивалось допоздна и коллеги-журналисты утомленно брели по домам, отец мчался в лабораторию проявить пленки и убедиться, что отснято все необходимое. Ранним утром он снова был в лаборатории, печатал и сушил фото, писал к ним тексточки, сортировал негативы. К приходу коллег все это лежало на столе ответственного секретаря редакции. И тут

же из разных отделов неслись пожелания, куда бы фотокорр стоило отправиться прямо сейчас, после обеда, вечером или в воскресенье утром.

Жизнь бурлила. Строились новые цеха и жилые кварталы, закладывали порт на Григорьевском лимане, приходили из дальних рейсов китобои, рыбопромысловики и океанские лайнеры, открывались выставки, ставились премьерные спектакли, проводились соревнования по разным видам спорта, приезжали в Одессу знаменитые гастролеры... Обо всем писали газеты. Всем хотелось проиллюстрировать свои материалы. Тем более, что фото разных жанров получались у Михаила Рыбака выразительными и запоминающимися. Уже зрелым мастером он решил заочно поучиться на курсах фоторепортажа при МГУ. Это дало ему возможность пообщаться с ведущими фотомастерами Союза, обкатать свои творческие находки в кругу знатоков.

При таком плотном рутинном графике отец находил время для чистого творчества. Стал членом Союза фотохудожников, готовил работы для международных выставок, лауреатом которых становился не раз. Провел он множество персональных выставок. Работы выставлял в залах краеведческого, Художественного музеев, в Музее западного и восточного искусства, в фойе театров и кинотеатров, в холле издательства. Работы его исключительно черно-белые. Но насколько выразительными были композиции, игра света! В его палитре — портреты и пейзажи, жанровые сценки и эмоции спортивных баталий, замечательные зарисовки из разных уголков света.

Да, любовь к географии и путешествиям не утихла с годами. Как только появилась возможность путешествовать,

отец стал использовать любой шанс. Часто это были рабочие поездки в составе делегаций, командировки. Так ему удалось побывать в городах-побратимах Одессы — болгарской Варне и финском Оулу, во французском Марселе и итальянской Генуе. Он путешествовал автобусами и поездами, на лайнерах и самолетах. Побывал в Штатах и на экзотических островах, в Сенегале и Китае, объездил пол-Европы и все Черноморское побережье. Отовсюду привозил сотни метров отснятых пленок, незабываемые впечатления и какой-то юношески свежий взгляд на мир.

Михаил Рыбак был человеком живым и компанейским, быстро мог сдружиться с очень разными людьми, неизменно вызывая у них симпатию и желание продолжить общение. Потому и дома у нас, хоть много лет прожили в коммунальках, часто бывали самые разные гости. Моряки и врачи, художники и артисты, профессора и директора предприятий, функционеры и, естественно, журналисты.

Я с детства бывал с отцом на множестве съемок, любил таскать его тяжеленные сумки с аппаратурой, иногда что-нибудь снимать рядом с ним. Я крутился в редакции молодежной газеты, где отец работал в 60-е — начале 70-х, был знаком со всеми его старшими и младшими коллегами. Именно там Евгений Голубовский, Ян Сафронский и Семен Лившин ненавязчиво втянули меня не только в созерцание их работы, но и в саму журналистику. Я многому у них научился. Но больше всего — у отца, чей пример был у меня перед глазами постоянно. Его работоспособности мог позавидовать любой. Ему до конца жизни оставался интересен сам процесс съемки. Он всегда искал интересный объект и необычные ракурсы. Готов был лезть на дерево (в прямом смысле), чтобы оттуда увидеть ситуацию под другим углом. Любил экспериментировать с оптикой. И был просто счастлив, когда финансы позволяли купить дефицитные тогда японские или немецкие объективы. А когда в Финляндии коллеги подарили ему бэушный экземпляр редкой породы, был умилен, как ребенок.

Когда я повзрослел и сам уже не один год работал в газете, мне порой казалось, что я старше отца. Его восприятие жизни, людей и событий оставалось чуть-чуть наивным. Он продолжал верить в добро

даже там и тогда, когда было ясно, что добром там не пахнет. О своих многочисленных знакомых предпочитал думать только хорошее, даже если часть этих людей не стоили доброго слова. Меня удивляло, как, пройдя такие жесткие испытания жизнью, ему удалось сохранить столько оптимизма и веры в людей. Даже тех, кто его подставлял и предавал...

Мы часто бывали в Аккермане. У папы там оставалось много родственников. В детстве и юности я любил ходить с ним по тихим улочкам и слушать его рассказы о его школьных годах. Со многими местами у него были связаны веселые и грустные истории. Мы ходили на берег Днестровского лимана, в городской парк, в крепость, к памятнику над обрывом, где после войны папа с друзьями высаживал деревья, давно ставшие большими. Когда умерли родители отца и разбегались оставшиеся родственники, приезжать в Аккерман стало не к кому. Только на кладбище. Последний раз мы были там вместе с отцом ровно 25 лет назад, когда он оправился после первого инфаркта и я отвез его на родительские могилы. Теперь мы ездим в Аккерман уже с моими детьми...

В 65 лет Михаил Рыбак затеял большую персональную выставку. Готовил ее тщательно и с любовью. Мы издали каталог, краеведческий музей предоставил свои залы. Июль того года был знойным. Асфальт прямо проседал под ногами. На открытие выставки пришло множество народа. Отец не скрывал радости. Все получилось отлично. Эмоции зашкаливали. И эту радость он принял так близко к сердцу, что через несколько дней слег с инфарктом. Из непривычного для себя состояния неподвижности выходил трудно. Но все же через полго-

да снова стал потихоньку работать и даже сел за руль. Возможно, дела с его здоровьем обстояли бы лучше, если бы он не пропускал через себя все события бурной тогда политической жизни. За власть в городе боролись люди, которых он хорошо знал. Ему казалось, что он может их примирить. Негатива тогда хватало. Это не было еще так привычно, как сейчас. Многие не могли найти себя в

новой системе координат. Словом, нервы подвели. Инсульт, инфаркт, еще один инсульт добились отца окончательно. В последние годы он выходил из дома только с нашей помощью. О работе речь не шла. Впрочем, он даже в таком состоянии писал от руки заметки к своим фотографиям, и серии материалов мы публиковали в газете «Порто-франко». В 1999 году издали книгу Михаила Рыбака «Записки фоторепортера». У него были и другие заготовки. В том числе он говорил мне, что хочет попробовать написать что-то вроде биографической повести под названием «Аккерманский мальчик». В его рукописях такого текста я не нашел. Но в моей памяти и в сердце он навсегда останется тем уникальным во многом парнем, с которым себя ассоциировал...

Аркадий РЫБАК.

Р. С. Нынешней зимой я наконец-то реализовал замысел отца, написал небольшую документальную повесть о нем и моих предках. Назвал просто «Аккерманский мальчик». Книга уже готовится к печати.